— Девица, я сегодня подарю тебе эту корзину гуавы. Не позвольте мне переночевать здесь, прямо в этой лодке? — вернувшись и завидев, что те двое увлеченно болтают, Цзян Чао внезапно выпалил эти слова.

— Ой, почему это ты снова вернулся? Разве ты не ушел вслед за тем молодым господином? — озадаченно спросила Лянь Чу.

Лэ Чунлянь тоже подхватил разговор:

— Верно, я только что как раз говорил сестрице Лянь Чу, с чего это ты вдруг вернулся?

— Встретил бессердечного подлеца, отдаешь человеку всю свою душу и искренние чувства, а в итоге все развеивается дымом, как опавшие лепестки в бурной воде.

Цзян Чао вздохнул, поставил корзину с гуавой на прилавок, аккуратно разложил всё по местам и, словно старый знакомый, придвинул стул, усевшись на него с весьма унылым видом.

— Раз уж тебя зовут Лянь Чу, то и я буду звать тебя сестрицей Лянь Чу. Не откажешь ли в любезности, позволь Минчао перекантоваться в этой каюте до утра?

— Да без проблем. К тому же, раз уж мы встретились сегодня, значит, связаны узами судьбы. Обычно по вечерам возле лодок никто не шастает, так что располагайся спокойно, не переживай, — мягко ответила Лянь Чу. — Только вот о чем вы там опять поцапались с тем молодым господином? Полагаю, у вас двоих какое-то недопонимание?

— Вот именно, братец, раз уж возникло недопонимание, надо выложить всё прямо! Помнится, в былые годы я, Лэ Чунлянь, отлично умел разрешать чужие сердечные дела. Если есть проблема, говори смело — я разобьюсь в лепёшку, но помогу.

— Да особо ничего и не было, просто…

Цзян Чао поднял голову и столкнулся взглядами с их сияющими глазами, которые уставились прямо на него. Он вздохнул:

— Долго рассказывать.

Лянь Чу торопливо села, не забыв позвать Лянь Чунляня, и все трое сбились в кучу, а одинокая корзина с гуавой так и стояла рядом с ними.

— Вы вообще как познакомились-то?

— А у него дома есть жена?

— Что за глупости ты говоришь? У него наверняка никого нет, — Лянь Чу шлепнула собеседника по плечу. — Тьфу-тьфу-тьфу, и двух слов связать не умеешь! А он тебе хоть что-нибудь говорил?

— Он оставлял тебе какие-нибудь памятные вещицы?

— Мы встретились в одно безмятежное туманное утро. Я держал в руках ветку цветущей абрикосы с капельками росы, а он, прельстившись красотой, заявил, что хочет купить мои цветы, и принудил меня уйти вместе с ним.

— Ого, да вас силой принудили! Начало у вас, прямо скажем, неважное. Послушай сестрицу: тысячи ли путей судьбы связаны единой нитью, и раз уж вам удалось дойти в этих отношениях до такого шага, это непросто.

— Насчет памятных вещиц… он подарил мне вышитый своими руками мешочек для благовоний и вечно заглядывался на мой браслет. Еще отдал несколько своих одежд — ткань там редчайшая, да и едой со мной делился при первой же возможности, отдавал лучшее.

— Да он же отлично к тебе относился!

— Сначала — да, безусловно. Ради меня он был готов голодать сам, лишь бы оставить мне полмиски вонтонов. Но непостояннен этот мир: его чувства приходят так же быстро, как и уходят.

— Сначала уверял, что семьи у него нет, и с тех пор я преданно последовал за ним. Кто же знал, что этот человек нарушит слово! Не прошло и полмесяца, как я ему надоел. Жалко меня, сироту в этом бренном мире, некому заступиться, только и терплю обиды.

Чем больше говорил Цзян Чао, тем сильнее чувствовал себя обиженным:

— И как мне, такому молодому, жить дальше?

— В прошлый раз он меня уже бросал. Я приложил столько сил, с таким трудом разыскал его, а он, представьте себе, меня вовсе знать не хочет! Рассудите сами, кто тут виноват?

— Так это же чистой воды его вина! — возмущенно воскликнул Лэ Чунлянь. — Сдается мне, братец Цзян, если он заявится снова, тебе ни в коем случае нельзя прощать его так легко.

— Что ты мелешь? Впрочем, братец Цзян, сестрица хоть и считает его виноватым, но ты посмотри-ка: в ту же секунду к нему снова жмется молодая и писаная девица, — Лянь Чу

приподняла палец. — И ведь хорошенькая какая, вчера еще у меня кое-что покупала.

Цзян Чао проследил за направлением ее пальца и увидел, что Се Ханьюй беседует с какой-то девицей. Обида вскипела с новой силой, смотреть больше не хотелось, и он опустил голову:

— Какое мне дело.

— Братец Цзян, ты брось дуться. Гляди-ка, девица опять направляется к нам, а твой молодой господин, кажется, особой взаимности ей не оказывает.

— Сестрица Лянь Чу, не найдется ли для меня парочки вчерашней гуавы? — грациозно приближаясь, промолвила девушка нежным, мелодичным голосом.

— Вся гуава на сегодня распродана, а эта корзина принадлежит вот этому молодому человеку. Даже не знаю, согласится ли он тебе продать, — Лянь Чу с виноватым видом глянула на Цзян Чао.

— Молодой господин? Я готова заплатить серебром, лишь бы заполучить два плода.

Девушка перевела взгляд на Цзян Чао, в ее глазах мелькнуло изумление, но она тут же взяла себя в руки, сделав голос еще мягче. Слегка подавшись вперед, она смотрела на него павшими от мольбы оленьими глазками.

— Эта корзина куплена у того самого бессмертного господина, с которым ты только что болтала. Я тут не хозяин. Впрочем, на мой взгляд, отношения у вас вроде неплохие, вряд ли он станет жадничать — так что бери и ступай.

Цзян Чао даже не взглянул на нее, лишь упрямо уткнулся в землю:

— Взяла — так скажи ему спасибо, ко мне это не имеет никакого отношения.

Лянь Чу и Лэ Чунлянь переглянулись.

— Сдается мне, сегодняшняя гуава отдает какой-то необычайной кислинкой? Будто в уксусе вымочена, прямо в нос шибает.

— И то верно, у меня с носом похоже тоже беда — кислит почище твоего. Ай-яй-яй, как же некоторые любят кривить душой и говорить одно, а думать другое.

Цзян Чао не обращал внимания на их подначки. Он выудил из корзины плод гуавы, потер о рукав и откусил маленький кусочек, но в следующее мгновение замер.

Однако на глазах у всех Цзян Чао крепко стиснул зубы и через силу проглотил его, подумав про себя: почему же она такая противная на вкус, да что за вкусы у этого Се Ханьюя, он же явно пытался его отравить!

Лянь Чу рассмеялась, сгибаясь пополам:

— Да ей полежать надо несколько дней, чтобы мягкой стала, тогда вкусно.

— А я не люблю мягкую, я люблю хрустящую.

Упрямо возразил Цзян Чао и заставил себя откусить еще кусочек со звериным выражением лица. Издалека бросив косой взгляд на Се Ханьюй и заметив, что та девица подошла поболтать с ним, он почувствовал себя еще более раздраженным.

— Молодой господин, тот господин велел передать, что вы вольны поступать как знаете.

Яояо снова подошла и тихонько проговорила:

— Если молодой господин против, Яояо может заплатить двойную цену.

— Бери так, — Цзян Чао не хотел чинить ей препятствий и лишь сосредоточенно разглядывал гуаву у себя на ладони. Услышав такой ответ, девушка отобрала несколько плодов в матерчатый мешочек. Не осмеливаясь больше заговорить с Цзян Чао, она отдала серебро Лянь Чу, с легкой улыбкой поблагодарила ее и попросила передать благодарность Цзян Чао, после чего удалилась.

— Сестрица подскажет тебе план: в былые годы, когда твой старший брат сватал меня, он вечно ходил за мной по пятам, донимая неотступностью, и каждый день то украшения носил, то наряды — до чего же внимателен был! И ты не унывай, я вижу, тот господин все-таки неравнодушен к тебе. Со временем вытерпишь, присмотришься — глядишь, и приберешь его к рукам?

— Надо проявить недоступность! Хочешь, я помогу тебе разыграть спектакль?

Слушая их непрекращающуюся болтовню, Цзян Чао не испытывал ни малейшего энтузиазма. Он и сам толком не понимал, какие чувства испытывает к Се Ханьюю — скорее всего, его влекло лишь влияние Обратной Чешуи.

— Дай мне подумать. Если он согласится…

— А-а-а!

Не успел Цзян Чао договорить, как Лянь Чу испустила дикий вопль, исказившись от ужаса до неузнаваемости, и выронила из рук все, что держала.

В руке у Лянь Чу только что были серебряные монеты, оставленные девушкой, но при падении они не издали ни звука. Опустив глаза, Цзян Чао увидел лишь желтую бумажную погребальную купюру, на которой красными чернилами было выведено несколько крупных иероглифов.

Монета Персикового Лица: жизни и смерти не миновать.

— А-а-а! — увидев эти строки, Лянь Чу снова пронзительно взвизгнула. Ноги ее подкосились, и она едва не рухнула на землю, но Лэ Чунлянь успел подхватить ее и усадить на место.

Цзян Чао поднял ту бумажку.

— Монета Персикового Лица: жизни и смерти не миновать. Разве это не та девица оставила?

Лянь Чу сделала несколько судорожных вдохов, немного приходя в себя, и прошептала:

— И надо же быть такой забывчивой, совсем из головы вылетели Персиковые Лица.

— Персиковые Лица — это еще что такое? — не удержался от вопроса Цзян Чао.

— Не помнишь, братец Лэ, как много лет назад объявились Персиковые Лица? В сезон цветения персиков кто-то заявился к Ручью Хуаньхуа за покупками. Тот человек явно расплатился медяками, но стоило ему уйти, как у торговца в руках они превращались в бумажные деньги. А покупательницей была молодая и писаная девица с лицом цвета персикового цвета — отсюда и пошло название Персиковые Лица.

— И что потом?

— Те, кому доставались эти бумажные деньги, через несколько дней при загадочных обстоятельствах расставались с жизнью. На трупах проступали отметины в виде персиковых лепестков, а смерть была страшной: казалось, люди умирали от удушья, а тела их окрашивались в багровый цвет.

— Я припоминаю эту историю. Тогда еще ходили слухи, будто чем красивее девица, оставившая фальшивки, тем быстрее умирает человек. Позже почему-то всё утихло, за эти годы люди понемногу подзабыли об этом, но с чего бы им объявиться снова именно сегодня?

— И что же теперь делать? Осторожничай не осторожничай — всё едино, — пролепетала женщина. — Погодите… я ведь помню, вчера она тоже платила серебром. Вчерашние монеты я

нарочно несколько раз осмотрела, и ни в какие такие бумажки они не превратились!

Женщина торопливо расстегнула кошель, но обнаружила внутри лишь всякую мелочь. Вчерашних медных монет девицы и след простыл — там лежала точно такая же одинокая бумажка, и на ней красной тушью красовались те же крупные иероглифы.

П-п-персиковые Лица и вправду вернулись!

— И как теперь быть? Я ведь сегодня тоже здесь вертелась, получается, через пару дней и меня придут убивать? — насмерть перепуганный Лэ Чунлянь тоже осел на землю. — Братец, что же нам делать?

— Эта женщина из Секты Вереницы Бессмертных, вы же знаете Секту Вереницы Бессмертных? — напомнил Цзян Чао.

— Из Секты Вереницы Бессмертных? Разве это не великая секта заклинателей? Тот молодой господин и вправду оттуда? Выходит, он сможет нас спасти? Цзян-господин, тогда уж прости, сестрица должна тебе высказать: ну какая же ты егоза, как ты вообще умудрился ссориться с таким бессмертным господином?! Он наверняка бросил тебя лишь из-за какой-то срочной непредвиденной работы.

http://bllate.org/book/32554/3977458